

ПРАГМАТИКА БЕЛОРУССКОГО НАРОДНОГО АНЕКДОТА¹

Рассматриваются особенности функционирования белорусских фольклорных юмористических текстов с точки зрения их прагматики. Установлено, что основной прагматической оппозицией в тексте анекдота является оппозиция «свои – чужие». Отмечено, что создание групповой идентичности собеседников происходит через осуждение и высмеивание девиантных форм поведения «чужих», а также при помощи создания виртуальной реальности, в которой говорящий и слушающий всегда оказываются победителями над отсутствующими объектами разговора.

Неконвенциональность, стремление нарушить правила, использование табуированных тем позволили многим авторам выделить комический дискурс, к которому, безусловно, принадлежит и анекдот, в качестве одного из двух существующих видов общения – несерьезного или, по терминологии некоторых авторов, игрового общения (см. Raskin 1985; Лендваи 2003). Игровое общение описывается как некий антимир, в котором правила и законы серьезного общения нарушаются, что можно видеть на всех уровнях – начиная с фонетического и заканчивая семантическим и прагматическим. Однако эти нарушения имеют свою закономерность, которая была постулирована В. Раскиным и С. Аттардо (см. Raskin 1985; Attardo 1994) и получила название Общая теория вербального юмора (General Theory of Verbal Humor). Согласно этой теории, комический эффект всегда основывается на переключении сценариев, находящихся в оппозитивных отношениях, при помощи триггера, в языковом плане реализующегося в виде языковой игры. Как правило, триггер является общим звеном двух противопоставляемых сценариев, в контексте которых он имеет разные значения. Ярким примером является юмореска про набожную жанчynu, которую не только обворовали, но еще и посмеялись над ней («Божа, ачысці мяне ад грахоў». – «Ачышчу, ачышчу», – адказвае нехта з-пад лавы (Жарты 2005, 84)). Слово-триггер ачысціць употребляется здесь в двух противоположных смыслах, что и рождает комический эффект.

Нарушение основных постулатов прагматики начинается на внешнем уровне, когда один из собеседников рассказывает анекдот, который на первый взгляд не связан с темой разговора (тем самым нарушается максима качества) (см. Грайс 1985, 225). Здесь также сталкиваются сценарии (разговора и анекдота): в общую тему разговора, имеющую своих героев, хронотоп, вклинивается чужеродный текст анекдота с иной тематикой, действующими лицами и т. д. Связующим звеном между двумя сценариями должен стать некий общий знаменатель (некоторое общее свойство). Происходит синергетический эффект – комическое рождается внутри анекдота при столкновении

¹ Впервые опубликована: Фомичева, Н. В. Прагматика белорусского анекдота / Н. В. Фомичева // Веснік Бел. дзярж. ун-та. Сер. 4, Філалогія. Журналістыка. Педагагіка. – 2011. – № 3. – С. 51–54.

двух сценариев и обнаружении у них общего знаменателя (триггера) и затем проецируется на внешнюю ситуацию рассказывания, неожиданное сходство с которой (нахождение общего знаменателя там, где его не ожидают) усиливает комический эффект рассказанного анекдота. Данный прагматический триггер не всегда имеет лексическое, фонетическое или синтаксическое выражение (особенность произношения, слово или фраза, которая заставляет рассказчика вспомнить тот или иной анекдот). Это может быть имплицитно выраженная мысль, ассоциация, стереотип. В любом случае рассказчик уверен, что его слушатели разделяют сходные стереотипы, ассоциации по данной теме разговора. Зачастую рассказчик, неправильно оценивший внешнюю ситуацию, установки слушающих, их культурный фон, рискует не найти отклика, так как анекдот вызывает ненужную и неприятную слушающим аналогию.

В случае, когда анекдоты рассказываются для времяпрепровождения, для балагурства, привязка к внешней ситуации разговора необязательна. Однако обязательным остается условие наличия общего культурного фона, общего фона ассоциаций у рассказчика и слушателя, без которого комический эффект сводится к нулю. Рассказчик и слушатель разделяют некоторые знания, опыт, имеют одинаковое отношение к происходящим событиям, схожий набор стереотипов.

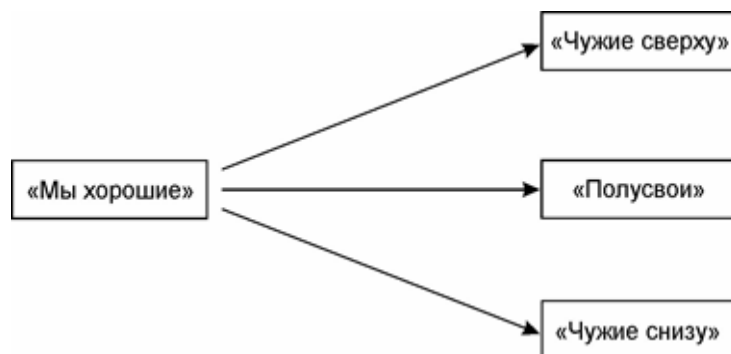
Некоторые зарубежные ученые отмечают, что, поскольку анекдоты базируются на общем знании и разделяемых ценностях (собеседников), они могут быть использованы для подчеркивания значимости общего опыта и ценностей данной группы (см. Norrick 1993, 107–109; Brown, Levinson 1987, 124). Таким образом, можно утверждать, что одной из общих социально-прагматических функций юмора является создание групповой солидарности и идентичности, т. е. чувства принадлежности к группе.

Рассказывая анекдот, говорящий как бы сообщает: «Я рассказываю тебе анекдот, потому что ты такой, как я, а не такой, как они, о которых идет речь в анекдоте». Или: «Я рассказываю тебе анекдот, так как он о нас с тобой».

Поскольку юмор основывается на противоречии (столкновение сценариев порождает противоречие), юмористическое событие отклоняется от нормы, т. е. противоречит тому, что считается нормальным в данной группе. По А. Бергсону, смех (который напрямую связан с юмором) имеет целью коррекцию поведения в тех случаях, когда оно (поведение) отклоняется от социально одобряемых или ожидаемых норм (см. Бергсон 1992, 34).

Нами предпринята попытка анализа 300 текстов белорусских народных анекдотов с точки зрения дихотомии «свои – чужие» для выявления основных прагматических целей рассказывания анекдота. Предполагаемым рассказчиком анекдота является белорусский крестьянин. Разнородность группы «чужих», репрезентированных в виде мишеней в анализируемых текстах, различные прагматические функции, которые несут эти тексты, послужили поводом для дальнейшего деления этой группы на подгруппы.

Нами также обнаружено некоторое количество анекдотов, в которых мишенью являлись «свои». Была получена классификация, представленная в виде следующей схемы:

«Мы хорошие» (рассказчик и слушатель анекдота). Эта группа отождествляется исключительно с положительными свойствами и поэтому редко становится объектом шутки. Как правило, данная группа шуток имеет главной мишенью представителя группы «чужие сверху» (в роли «глупца»), представитель же «своих» выступает скорее в роли вспомогательного персонажа – «хитреца» (10 %).

У адной пані касцы касілі траву на сена. Утаміліся і ляглі адпачыць. Ажно і пані едзе.

– Уставаймо, хлопцы, бо дастанецца нам ад пані, – кажа адзін касец. А другі: – Ляжыце, хлопцы, і скубіце траву, а я ўжо знайду, што сказаць. Вось пад’ехала пані і пытае сярдзіта: – Чаго вылежваецца, гультай? А касец ёй: – Вось, пані, касілі-касілі, ды і дайшлі да такой травы, што каса не бярэ, то мы яе, праклятую, рукамі рвем. – Гэта іншая справа! – прамармытала пані. – Так і далей рабіце (Жарты 2005, 113).

С объективной точки зрения лень не является положительным качеством белорусского народа. В данном анекдоте рассказчик идентифицирует себя с группой косцов («свои»), поэтому отрицательное свойство (лень) репрезентируется как положительное (хитрость), в то время как представитель группы «чужих», пані, представлен не с положительной стороны (требовательная), а с отрицательной (злая, глупая).

«Чужие сверху». Представители этой группы принадлежат к более высоким слоям общества (чем рассказчик и слушатель) и являются наиболее частой мишенью анекдотов (63 % текстов). Это представители церкви (папы, ксяндзы), паны. В текстах этого типа ярко выражена речевая агрессия по отношению к мишени анекдота. Однако не всегда представители этой группы осуждаются за девиантное поведение. Нами обнаружены случаи, когда причиной речевой агрессии является сам факт принадлежности мишени к «чужим»:

У хаце вячэраюць. Нехта стукае ў акно.

– Хто там?

– Я. Пусцеце, калі ласка, пераначаваць.

– Хто ж ты?

– Дваранін.

– Ну, то й спі на дварэ (Жарты 2005, 44).

В тексте создается виртуальная реальность, в которой говорящий смотрит на мишень шутки «сверху вниз», в то время как в реальной жизни он смотрит на них «снизу вверх». Представители этой группы всегда ставятся в неловкое положение, что является своеобразной мстостью за испытываемые по их вине группой «своих» неловкость и страх в реальной жизни.

«Полусвои». Данная группа является автопортретом наших собственных недостатков (18 % текстов). Было бы вернее назвать эту группу «мы плохие», однако мишенью этих анекдотов выступают, как правило, соседи, некие абстрактные мужык и жонка, с которыми рассказчик себя никак не ассоциирует:

– Ну і як з маладой жонкай? – пытаюцца ў шаўца, які ўжо трэці раз ажганіўся.

– Як з жонкай... Калі кіне ў мяне збанком і не трапіць, дык я цешуся. Як зноў я шпурну ў яе капылом і прамахнуся, тады яна цешыцца. Адным словам, шмат радасці і ўцехі (Жарты 2005, 157).

Более того, рассказывая анекдот, рассказчик подразумевает, что он и слушатель совсем не такие. Согласно нашим наблюдениям, попытка приурочить анекдот о «полусвоих» к какой-либо проблеме собеседника нередко оканчивается неудачей: – А у меня муж в командировку уехал.

– Да, хорошо, что ты на третьем этаже живешь, соседу невысоко прыгать будет, если муж раньше вернется.

– ?????

Как видим, если рассказчик или слушатель каким-то образом вовлечены в описываемую в анекдоте проблему, такой анекдот не всегда вызовет комический эффект. Еще Аристотель в «Поэтике» писал, что «комедия – это трагедия, которая произошла с кем-то другим» (цит. по: Рюмина 2003, 35). В данной группе анекдотов происходит своеобразное психологическое «очищение» путем переноса собственных недостатков на полувымышленного героя.

«Чужие снизу». Здесь представлены периферийные (национальные меньшинства, представители низкостатусных профессий) и маргинальные группы общества (пьяницы, алкоголики, наркоманы). В текстах, где мишенью являются представители данной группы, ситуации очень близки к реальным с некоторыми чертами гиперболизации. В анализируемой выборке нами обнаружены следующие персонажи, которые могут принадлежать к этой группе: *цыган, яўрэй, паляшук (19 % текстов):*

Адзін пан, маючы многа работнікаў, выйшаў і кажа:

– Ну, дзецюкі, хто будзе водку піць?

Цыган, збоку стоячы, падскочыў наперад пана і кажа: – Я, паночку!

– А хто будзе каўбасу есці?

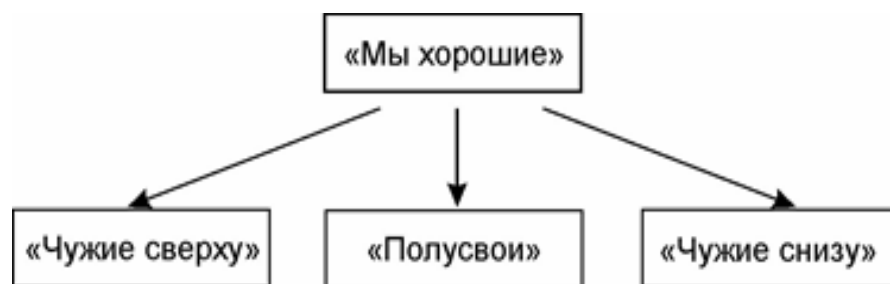
– Я, паночку!

– А хто мне пойдзе сёння касіць?

– Дзецюкі, адзывайцеся, а то, далібог, мне аднаму ўжо цяжка – усё я да я! (Сержпутоўскі 1999).

Агрессия здесь сочетается с чувством превосходства. В некоторой части текстов (1 %) данная группа представлена в качестве вспомогательного персонажа, мишенью же выступает группа «чужие сверху». В этих текстах цыган и яўрэй оказываются хитрее пана. Можно сделать вывод, что эта группа вызывает больше сочувствия у белорусского крестьянина, чем «чужие сверху».

Интересно, что «виртуальная реальность» анекдота выстраивает свою социальную лестницу со своими ценностями и законами, которые устанавливаются группой «мы хорошие», т. е. рассказчиком и слушателем анекдота. Эта социальная лестница представлена в виде следующей схемы:

Таким образом, анализ корпуса белорусских анекдотов позволил нам сделать следующие выводы о прагматической отнесенности данной группы текстов. Белорусский народный анекдот делит окружающий мир на «своих» и «чужих». «Чужие» – это все те, с которыми рассказчик и слушатель анекдота себя не идентифицируют и чье поведение или статус вызывают у них негативную реакцию в реальной жизни. Именно мир «чужих» может быть подвергнут осмеянию. Анекдоты, где мишенью выступают «чужие», как правило, демонстрируют те модели поведения, которые осуждаются в данной группе. Однако некоторые тексты позволяют предположить, что анекдот не всегда выполняет регулирующую, критическую функцию в группе. Целью некоторых анекдотов, например о «чужих сверху», является не осуждение девиантного с точки зрения данной группы поведения, а скорее создание некоторой виртуальной реальности, где «свои» (т. е. рассказчик и слушатель анекдота) оказываются лучше, «хитрее» чужих не по каким-то объективным причинам, а скорее априори, потому что они «свои» (анекдот про двараніна).

Итак, основной прагматической задачей рассказывания белорусского народного анекдота является создание групповой идентичности собеседников, которая позволяет устанавливать некоторые нормы поведения в группе через осуждение и высмеивание девиантных форм поведения, а также создание виртуальной реальности, в которой собеседники всегда оказываются победителями.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бергсон А. Смех. М., 1992.
2. Грайс Г. П. Логика и речевое общение // Новое в зарубежной лингвистике. М., 1985. Вып. 16: Лингвистическая прагматика. С. 220–234.
3. Жарты, анекдоты, гумарэскі / Склад. А.С. Фядосік. Мн., 2005.

4. *Лендваи Э.* Прагмалингвистическая концепция русского анекдота // Русское слово в мировой культуре: Материалы X Конгресса МАПРЯЛ. СПб., 2003. С. 45–53.
5. *Пермякова Г. Л.* Проделки хитрецов. Мифы, сказки, басни и анекдоты о прославленных хитрецах, мудрецах и шутниках мирового фольклора. М., 1972.
6. *Рюмина М. Т.* Эстетика смеха: Смех как виртуальная реальность. М., 2003.
7. *Сержпутоўскі А. К.* Казкі і апавяданні беларусаў-палешукоў. Мн., 1999.
8. *Чернявская Ю. В.* Белорус: штрихи к автопортрету. Этнический самообраз белоруса в сказках. Мн., 2006.
9. *Attardo S.* Linguistic Theories of Humor. Berlin; New York, 1994.
10. *Brown P., Levinson S. C.* Politeness: Some Universals in Language Usage. Cambridge, 1987.
11. *Hay J.* The pragmatics of humor support // Humor: International Journal of Humor Research. 2001. № 14 (1). P. 55–82.
12. *Norrick N. R.* Conversational Joking. Humor in Everyday Talk. Bloomington, 1993.
Raskin V. Semantic Mechanisms of Humor. Dordrecht; Boston; Lancaster, 1985.